

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕДАГЕСТАНСКОЙ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ

В настоящее время сравнительно-историческое дагестановедение располагает несколькими вариантами реконструкции общедагестанской фонологической системы, предложенными в свое время Н.С. Трубецким, Е.А. Бокаревым, Б.К. Гигинейшвили, С.А. Старостиным и др. Что же касается морфологии, то здесь положение обстоит гораздо хуже: можно назвать лишь работу Н.С. Трубецкого "Строй восточнокавказских языков" [Трубецкой 1987], содержащую опыт целостного представления реконструируемой языковой структуры, в то время как более поздние исследования в этой области ограничиваются отдельными фрагментами морфологической системы и, как правило, плохо соотносятся друг с другом. Настоящая статья представляет собой попытку до некоторой степени восполнить этот пробел и изложить современные воззрения на общедагестанскую морфологическую систему на основе, главным образом, собственной концепции автора, исходящего из той посылки, что современные дагестанские языки во многом сохраняют общность своей морфологической структуры как в именном, так и в глагольном словоизменении, несмотря на значительные трансформации в сфере выражения.

Эта общность прослеживается и на материале нахских языков, образуя своеобразный фундамент, на котором обретает конкретные очертания реконструируемая правосточнокавказская морфологическая система. Учитывая и сравнительно большое количество языков, формирующих восточнокавказскую семью, и достаточно большую хронологическую глубину предпринимаемой реконструкции, трудно было бы ожидать однозначных решений при восстановлении тех или иных конкретных морфологических архетипов. В то же время общий структурный облик восточнокавказского языка-основы вырисовывается более или менее отчетливо. Поскольку именное и глагольное словоизменение характеризуется относительной автономностью, мы сочли целесообразным в данной статье ограничиться проблемами реконструкции общедагестанской именной морфологии.

Говоря о падежной системе дагестанских языков, следует прежде всего обратить внимание на свидетельства общедагестанского характера "принципа двух основ", т.е. противопоставления прямой основы, совпадающей с формой абсолютива (в терминологии описательных грамматик, номинатива), и косвенной основы, совпадающей с формой эргатива и, с другой стороны, служащей базой для образования всех остальных косвенных падежей. Можно, конечно, предполагать возможность других путей формирования данной оппозиции: например, в связи с фонетическими процессами, которые могли иметь место в абсолютном исходе слова. Однако такое толкование находит подтверждение лишь на весьма узком лексическом материале и не стыкуется с целым набором содержательных характеристик оппозиции "абсолютов - эргатив" в современных дагестанских языках.

С меньшей долей уверенности можно говорить о тех формальных средствах, которые служили для противопоставления двух основ имени. Если аблаут как способ формирования косвенной основы, судя по особенностям его проявления в различных дагестанских языках, представляет собой достаточно архаичное явление, несомненно восходящее к восточнокавказской языковой общности (об этом, например, свидетель-

ствуют и те лексические параллели, которые обнаруживают реликтовый характер аблаута: "луна", "солнце", "сон" и т.п.), то специальные аффиксы косвенной основы - вокалические (состоящие из одного гласного) и в большей степени консонантные (слоговые) - предполагая единство происхождения с точки зрения фонетических соответствий и тождество функций в целом, с точки зрения конкретных лексических групп, принимающих в сопоставляемых языках тот или иной аффикс, не создают почвы для сколько-нибудь надежных сопоставлений.

Последнее обстоятельство с учетом возможных функциональных преобразований в отдельных языках снижает вероятность возведения к общедагестанскому (общевосточнокавказскому) хронологическому уровню всего набора показателей косвенной основы, обнаруживающих межддагестанские корреспонденции: *-лу- (авар. -лу-, анд. -лло-, ботл. -ля-, бежт. -ли-, лак. -лу-, дарг. -ли-, таб. -ли- и др.), *-р(а)- (ботл. -ра, цез. -ре-/-ро-, лак. -ра-, таб. -ру/-ра-, хин. -ыр- и др.) *-ди- (авар. -ду-, анд. -до-, цез. -до-, лак. -тт-, таб. -ди, лезг. -ди и др.), *-м(о)- (цез. -мо-, хин. -(а)м- и др.) *-ни- (лак. -ни/-на/-ну, лезг. -уни/-ини, дарг. -ни, таб. -ни- и др.), а также некоторые другие. Вместе с тем функционирование по крайней мере большинства этих морфем в общеддагестанском состоянии представляется более вероятным, нежели восстановление падежной системы, включающей единицы, образуемые суффиксацией соответствующих показателей непосредственно к прямой основе.

Имеются некоторые основания для определенных суждений по поводу функций приведенных выше восстанавливаемых показателей, ср., в частности, мнение о детерминантах косвенной основы как об исторических классных экспонентах. До некоторой степени такие суждения имеют под собой почву, поскольку в ряде современных дагестанских языков отдельные форманты выполняют и классифицирующую функцию. В то же время было бы заблуждением отождествлять на основе вторичных функций морфемы такого рода с классными показателями, непосредственно формирующими систему согласовательных ("грамматических") классов, хотя нередко оказывается также использование согласовательных аффиксов для выполнения вторичных (падежных и др.) функций.

По нашему мнению [см. Алексеев 1988; Алексеев 1987 и др.], для общеддагестанского состояния было характерно совпадение косвенной основы имени с его формой в эргативном падеже, сохранившееся в ряде языков и в настоящее время. Нетрудно предположить, что такое совпадение является не случайным продуктом противоречивых тенденций, а отражает последовательный ход формирования общеддагестанской падежной системы, исходной для которой являлась двухпадежная модель с противопоставлением абсолютива (номинатива) и эргатива. Для последнего при этом был характерен весьма широкий спектр значений: субъектное (при переходных глаголах), инструментальное, а также различные обстоятельственные (в том числе и причинное). Определенную аналогию в этом отношении могут составить адыгские языки с их полифункциональным эргативным падежом.

Говоря об исконной двухпадежной системе, мы, тем не менее, не склонны соотносить ее с общеддагестанским состоянием, так как материал современных дагестанских языков позволяет реконструировать для этого хронологического уровня и некоторые другие морфемы, предположительно формировавшие общеддагестанскую систему склонения. Из абстрактных (грамматических, синтаксических, позиционных) падежей к таким морфологическим единицам можно было бы отнести генитив и датив, однако нельзя не отметить, что совместимость их с эргативной типологией подвергается сомнению в рамках континентально-типологической классификации.

Сложность общеддагестанской реконструкции дательного и родительного падежей заключается не столько в невозможности определения общеддагестанского архетипа для единицы с определенным набором значений (определяющих для родительного падежа и субъектно-объектных для дательного), сколько в равной возможности проекции на общеддагестанскую плоскость ряда единиц, отражаемых соответствующими рефlekсами в современных дагестанских языках.

Все же более предпочтительным, на наш взгляд, представляется восстановление общедагестанского форманта генитива *-н, рефлекс которого обнаруживаются в лезгинских, нахских и, отчасти, в даргинском языках. Предпочтительность такого решения основывается не только на том, что упомянутые рефлекс встречаются и достаточно отдаленных друг от друга областях восточнокавказской языковой общности, но и исходя из возможности проследить иные источники формирования альтернативных вариантов: например, в результате включения в парадигму субстантива аффиксных формантов, в том числе и классных показателей, в результате переосмысления локативных морфем и др.

Сложность реконструкции показателя дательного падежа усугубляется тесным взаимодействием соответствующих морфологических единиц современных дагестанских языков с локативными падежами (ср. характеристику датива как "внесерийного направительного падежа"), что позволяет, с одной стороны, усматривать в современных аффиксах датива подвергшиеся семантическим трансформациям локативные (как правило, направительные) падежи и, с другой стороны, включать в число возможных отражений исконного дательного падежа нынешние директивы (лативы, аллативы) и другие пространственные падежи. Легко видеть, что число альтернативных вариантов реконструкции в результате резко возрастает.

Более предпочтительным (не исключая, впрочем, и других вариантов), на наш взгляд, является объединение в качестве рефлексов общедагестанской морфемы датива *-на нахского и лакского дательного падежа, а также локативных (направительных) формантов даргинского ("старый латив", по М.-С. Мусаеву) и лезгинских языков. Думается, что эта реконструкция открывает некоторую историческую перспективу для последующей интерпретации формальных и смысловых взаимоотношений общевосточнокавказского генитива на *-« и датива на *-на в связи с возможной производностью последнего.

Хотя в дагестанских языках ныне функционируют и такие падежные единицы, как комитатив, инструменталис и др., их общедагестанский характер весьма проблематичен. Дело в том, что в большинстве случаев их происхождение легко увязывается с тем или иным пространственным падежом, подвергшимся семантической трансформации.

Во многих современных языках налицо сериальный принцип образования местных падежей, заключающийся в сложном характере пространственного показателя, который включает, с одной стороны, морфему направления/покоя и, с другой стороны, формант локализации, фиксирующий ту или иную локализационную область относительно ориентира ("на, над", "около", "под", "внутри"). Восстановление общедагестанской системы пространственных падежей предполагает реконструкцию в первую очередь показателей локализации, которые в большинстве случаев достаточно хорошо сохранились в современных языках.

Так, локализация "под ориентиром" (общедаг. *-лб/лу) находит выражение практически во всех дагестанских языках (в частности, авар. -лб/л, анд. -лб/лу, цез. -л/л, лак. -лу, таб. -кк, лезг. -к и др.), за исключением удинского и хиналугского (ср., впрочем, хинал. к/ланы-к/л "под"), сохраняя в большей или меньшей степени исконное значение. Довольно широко распространены рефлекс общедагестанского показателя *-хъ/а "за, под", охватывая аваро-андо-цезские, лезгинские и лакский языки (в том числе авар. -хъ, анд. -хъи, цез. -хъ(о), лак. -х, таб. -хъ, лезг. -хъ и др.), хотя в данном случае уже возникают проблемы в связи с семантикой реконструируемого показателя в андийских и цезских языках, где ему присуще значение "у, около". Еще более неопределенным представляется исконное значение общедаг. *-dV, рефлекс которого выступают не только в качестве формантов локализации (авар. -да "в типичном положении относительно ориентира", общецез. *-де "около ориентира"), но и в функции направительных морфем (в лезгинских языках). В силу этого принятие значения аварского форманта за исходное является в значительной степени условным.

Значение общедагестанского показателя локализации *-к "около, в соприкосновении с ориентиром" реконструируется по данным лезгинских языков, хотя и здесь налицо значительные трансформации, в том числе и нейтрализация показателей *-лб¹/u/ и *-к. В андийских и цезских языках рефлексы показателя сохранились лишь частично.

К общедагестанскому *-ч/ "около" можно возводить соответствие общед.-*-ч/>> и лак. *-ч/а. Проекция на общедагестанскую хронологическую плоскость показателя *-лб¹ "около, вместе с" затруднена в связи с функциональным своеобразием андийских рефлексов, выступающих по существу в роли союзов. Более или менее выраженный локативный характер соответствующие единицы проявляют в лакском и лезгинских языках.

Значительные трудности представляет реконструкция общедагестанского показателя локализации "внутри". Дело в том, что во многих языках имеется противопоставление локализаций "внутри (полого пространства, вместилища)" и "внутри (заполненного пространства, вещества); между, среди", нейтрализация которого в отдельных языках привела к заметной перестройке в средствах выражения данных значений. Все же, если говорить о значении "внутри (полого пространства)", то можно предполагать его выражение в общедагестанском состоянии либо с помощью морфемы, содержащей один из ларингалов (*-гъ или *-ъ), либо с помощью классного показателя. Не исключено, что оба варианта использовались параллельно, причем второй служил средством логического выделения.

При достаточно надежной реконструкции таких показателей со значением "около", как общед.-*-хъ/а и *-к, общедагестанский характер формантов *-р и *-ч, манифестируемых межддагестанскими соответствиями с примерно теми же функциями, представляется сомнительным. В то же время не продемонстрирована пока и инновационная природа этих морфем.

Логично было бы предположить также наличие в общедагестанском состоянии локализации "на, над" с соответствием авар.-анд. *-лб¹/а, общецез. *-лб¹/ (о), лак. -к/а, дарг. ы-к/ и общелезг. *-л [Nikolayev, Starostin 1994: 775].

Не исключено, что некоторые из предполагаемых общедагестанских показателей локализации (прежде всего *-к, *-р, *-х) выступали в прошлом как показатели направления. Кроме того, можно говорить об общедагестанском форманте аблатива *-с-, следы которого усматриваются в аварском, агульском и цезских языках.

При недостаточной изученности проблемы частей речи в дагестанских языках не только в историческом, но и в синхронном аспекте трудно сказать, какие лексико-грамматические классы слов, помимо субстантивов, охватывала категория падежа. Тем не менее, имеются основания для утверждения о падежном словоизменении некоторых разрядов местоимений, обладавших при этом рядом специфических особенностей (супплетивный способ образования косвенной основы, нерегулярность образования отдельных падежных форм и некот. др.). Что касается прилагательных (если признавать их самостоятельность в общедагестанскую эпоху), указательных местоимений, числительных и т.п., то условием их склонения следует считать субстантивацию. Имеется три варианта общедагестанского показателя субстантивации: *-dV, *-н-, *-с-/. Первые два, как правило, распределены парадигматически, хотя принципы распределения в различных языках далеко не всегда совпадают. Последний показатель в большей степени тяготеет к словообразовательным.

Личные, возвратные и вопросительные местоимения обнаруживают в современных дагестанских языках некоторые черты, отличающие их от субстантивов с точки зрения склонения: сравни, например, маркировку абсолютива носовым аффиксом-детерминантом, супплетивное образование косвенной основы (ср. *-HV- "я" - косв. осн. *-дза, в реконструкции О.А. Гулыги [Гулыга 1979: 15], уникальное образование отдельных падежных форм (ср. общед.-*-идзо "мой" при генитиве на *-н), а также синкретизм абсолютива и эргатива. Хотя исконность некоторых из перечисленных характеристик достаточно дискуссионна, в целом их архаичность не вызывает сомнений.

Противопоставление форм единственного и множественного числа имен существительных присуще всем современным восточнокавказским языкам. Выражается это противопоставление обычной маркировкой множественности с помощью соответствующих суффиксов, как правило, занимающих позицию между корнем и падежным показателем. В связи с этим реконструкция общедагестанского состояния, на первый взгляд, сводится к восстановлению общедагестанских архетипов для соответствующих современных показателей. К их числу можно отнести форманты **-a* (авар, *-a(-l)*, цез. *-a*, арч. *-e*, рут. *-e/-aь* и др.), **-ar* (бежтинск. тЛядальск. *-ra/-ro*, лак. *-ру, -ри*, таб. *-ар, -ер, -йир*, хин. *-ыр* и др.), **-ду* (авар, *-ду(-l)*, общеанд. **-ди*, бежт. *-да*, дарг. кайт. *-ди*, хин. *-д, -д(ыр), -(ыр)д(ыр)* и др.), **-би* (авар, *-би*, общеанд. **-бе*, бежт. *-бо/-ба*, дарг. *-би*, общелезг. **-л: -ыр* и др.), **-и* (авар, *-и*, общеанд. **-е*, дарг. *-и*) и др.

Вместе с тем ряд особенностей функционирования числовой оппозиции во многих дагестанских языках, касающихся как формальной, так и содержательной стороны, вынуждают более детально рассмотреть их с исторической точки зрения. В содержательном плане прежде всего привлекают внимание свидетельства [ср.: Ибрагимов 1974; Талибов 1985; Халилов 1985; Сулейманов 1985], подвергающие сомнению бинарность числовой оппозиции в дагестанских языках, с обоснованием наличия третьего числа противопоставления – "ограниченного (двойственного?) множественного". Анализ подобных свидетельств показывает, что во всех упомянутых случаях под ограниченным множественным понимаются разные, не сводимые друг к другу явления. Кроме того, существующие материалы не демонстрируют признаков архаичности; например, показателем ограниченного множественного в аварском признается наиболее регулярный суффикс *-ал*, что дает возможность оппозицию ограниченного/неограниченного множественного квалифицировать как результат морфологизации "старого" и "нового" (унифицирующего) способов образования множественного числа. Таким образом, вероятность существования в общедагестанскую эпоху третьего члена числовой оппозиции представляется невысокой.

С формальной точки зрения нельзя не обратить внимание на значительное разнообразие в большинстве современных языков аффиксов множественного числа. Опираясь на существующие междиалектные соответствия и отдельные позиционные варианты, многие дагестановеды пытаются редуцировать количество исконных показателей сведением имеющихся аффиксов к единому архетипу на основе фонетического сходства. Например, предполагается следующая цепь преобразований в даргинском языке: *-би/-бе > -ми/-ме > -ни/-не*. Такую интерпретацию трудно принять, поскольку она предусматривает действие вторичных процессов перераспределения, следы которых обнаружить не удастся.

В дагестановедении предпринимались попытки минимизации формантов множественного числа на основе таких морфонологических решений, когда ныне действующий показатель расщепляется и в его составе вычленяется элемент, интерпретируемый как часть основы (корня), утраченная в форме единственного числа (ср. аналогичную трактовку косвенной основы). Эта гипотеза находит, на первый взгляд, подтверждение и во внешних соответствиях, ср. дарг. *цула* "зуб" – мн. *цулби* при табас. *силиб*, агул. *селеб* "зуб" и т.п. Анализ именного даргинского словаря позволяет сделать вывод об отсутствии здесь условий для подобного переразложения: с одной стороны, не зафиксированы процессы утраты конечных согласных (в том числе, например, *-б*), с другой стороны, существительные с аффиксами множественного числа типа *-би* не обнаруживают тех функциональных особенностей, которые позволили бы реинтерпретировать словоформу множественного числа и по этой реинтерпретированной форме образовать новую основу единственного. Более того, значительно проще рассматривать лексемы типа табас. *силиб*, агул. *селеб* "зуб" как лексикализованные формы множественного числа [ср.: Джейранишвили 1948; Джейранишвили 1985; Загаров 1985].

Среди подходов к объяснению многоформантности плюралиса с собственно морфонологических позиций следует выделить прежде всего квалификацию отдельных показате-

телей как образованных путем наложения одного форманта на другой. Это явление прослеживается в большей или меньшей степени практически во всех дагестанских языках. Например, в андийском [Черцвадзе 1965: 156] дифференцируются простые показатели *-л*, *-ол*, *-ул*, *-ил*, *-ал* и сложные, образуемые сочетанием некоторого связанного элемента с простым показателем, ср.: *-(и)б-ол*, *-(о)б-ил*, *-д-ил* и т.п.

Сложный характер второй группы суффиксов доказывался не только тем, что отдельные их компоненты совпадают с самостоятельно функционирующими суффиксами, но также и утратой конечных элементов у сложных суффиксов в косвенных падежах. Так, учитывая, что элемент *-л* характерен для форм множественного числа всех имен андийского языка, легко предположить, что это явление – позднейшее, обусловленное универсализацией одного из формантов, но не путем вытеснения других суффиксов, а путем наращивания *-л* на уже имеющиеся.

Использование данной методики, хотя и позволяет существенно сократить набор первичных морфологических единиц, все же не дает возможности реконструировать сложные форманты на праязыковом уровне (между тем ср. общелезгинский суффикс **-л:ыр*, разложимый на **-л:-* и **-ыр*), оставляя при этом некоторое количество не сводимых друг к другу аффиксов.

В силу этого полезными оказываются поиски источников формирования плюральных морфем за пределами категории числа. Так, при достаточно распространенной тенденции к развитию на базе суффиксов собирательной множественности отвлеченных существительных [Серебренников 1974] для некоторых дагестанских языков представляется возможной интерпретация отдельных показателей множественного числа как словообразовательных по происхождению элементов, ср. арч. *далъI-мул* "двери" при *бужъI-мул* "возвращение", ботл. *-лви* в составе сложных аффиксов: *г\алим-заба-лви* "ученые" при авар. *г\алим-заби*, а также *цеб-лви* "единство" т.п. К самостоятельной лексеме со значением "дом" возводится дарг. *-хъали*.

При явной немногочисленности примеров такого рода гораздо большую популярность в дагестановедении получила гипотеза классного происхождения показателей множественного числа. Действительно, налицо непосредственное совпадение наиболее распространенных в дагестанских языках суффиксов множественности, реконструируемых в виде **-ар*, **-би* и **-ду* с соответствующими классными экспонентами, дифференцирующими формы множественного числа личных и неличных классов [Парадзенидзе 1972; Топурия 1973].

Несмотря на обоснованность данной гипотезы, признание ее не противоречит предположению о функционировании соответствующих аффиксов в качестве числовых уже на общедагестанском хронологическом уровне. Равным образом реконструкция показателей множественного числа **-иу(V)*, **-л^У* и **-а* [Дьяконов, Старостин 1987] не противоречит их возможная связь с местоименными корнями [см.: Ибрагимов 1974; Топурия 1985].

Нерешенной остается пока проблема формообразующей основы для словоформ множественного числа. Обычно в качестве таковой выступает прямая основа единственного числа, к которой уже присоединяется числовой суффикс. Вместе с тем нередки и другие способы, использующие косвенную основу единственного числа.

Таким образом, многоформантность множественного числа в современных дагестанских языках является наследием общевосточнокавказского состояния. Основной причиной этого можно считать гетерогенность данной категории, сложившейся в общевосточнокавказскую эпоху на основе реинтерпретации классных и прономинальных морфем.

Проблема категории класса и ее проявления в именных частях речи включает в себя ряд аспектов, заслуживающих самостоятельного рассмотрения. В первую очередь, по-видимому, здесь следует выделить проблему лексического именного класса с точки зрения семантических и иных оснований лексико-грамматической рубрикации. Сопоставление классных систем языков, не утративших категорию класса, указывает

на возможность реконструкции исконной четырехчленной системы, включавшей следующие классы:

1) класс названий мужчин (показатели: авар. *с*-, общед. **с*-, общецез. **с*-, общелезг. **у*-, дарг. *с*-, лак. *с*-, хин. *й*-, общенах. **в*-);

2) класс названий женщин (показатели: ав. *й*-, общед. **й*-, общецез. **й*-, общелезг. **р*-, дарг. *р*-, лак. **р*-, хин. *з*-, общенах. **й*-);

3) класс названий животных и некоторых неодушевленных предметов и явлений (показатели: авар. *б*-, общед. **б*-, общецез. **б*-, общелезг. **б*-, дарг. *б*-, лак. **б*-, хин. *б*-/в-, общенах. **б*-);

4) класс неодушевленных имен (показатели: авар. **р*-, общед. **/?*-, общецез. **й*-, общелезг. **й*-, лак. *д*-, хин. *о*-, нах. **д*-).

Наличие в ряде восточнокавказских языков большого количества именных классов, возникающее за счет более дробной классификации неодушевленных имен (ср. пятичленную систему в андийских и цезских языках, общенахскую шестичленную систему и т.п.), имеет своей основой не увеличение количества согласовательных аффиксов, но увеличение их возможных комбинаций для единственного и множественного числа.

Анализ классного распределения неодушевленных имен показывает при, на первый взгляд, бессистемности наличие определенных семантических доминант, характерных для каждого класса. Так, в один класс с названиями животных обычно попадают названия небесных тел, растений и др., в то время как четвертый класс включает, как правило, названия веществ, абстрактные имена и т.п., что, надо сказать, увязывается с несчетностью соответствующих имен.

В дагестановедении нередко высказываются суждения об иных принципах структурной организации именного словаря дагестанских языков в прошлом. Предполагается, например, что для более древних классов была характерна профилирующая оппозиция одушевленного (с включением названий животных) и неодушевленного классов. Судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, современные дагестанские языки довольно однозначно свидетельствуют об исконной четырехклассной системе именных классов общедагестанского языка-основы, так что предполагать более редуцированную систему можно только для более ранних ступеней общедагестанского состояния, хотя и для этого требуются дополнительные аргументы.

Наличие же классной обусловленности выбора той или иной основы словоизменения некоторых разрядов местоимений и т.п., что иногда квалифицируется в качестве реликта подобной редуцированной системы (ср. крыз. *у-д/у-дж* "этот"), по нашему мнению, охватывает несколько иную область именной морфологии и поэтому не может рассматриваться как отражение той ступени развития общедагестанского языка, которая исторически предшествовала четырехклассной системе. Дело в том, что существование в отдельных подсистемах иных принципов рубрикации никоим образом не противоречит оппозиции четырех членов системы согласовательных классов, будучи совместимым с ней не только в отдельных современных языках, но и на общедагестанском хронологическом уровне.

Утверждение о более архаичной оппозиции одушевленности/неодушевленности, по-видимому, исходит из тезиса контенсивной типологии об исторической преемственности этой оппозиции, характерной для активного строя, и того набора структурных импликаций, который характерен для эргативных языков. Здесь, видимо, будет уместным напомнить, что исходя из контенсивно-типологических предпосылок более детализованная классная структура должна быть признана более древней по сравнению с оппозицией только по одушевленности/неодушевленности.

Вторая проблема, возникающая в связи со сравнительно-историческим исследованием категории классов в дагестанских языках, заключается в предполагаемом вычленении окаменелых классных показателей в составе основы имени существительного. При этом, несмотря на разнообразие корневых структур в современных дагестанских языках, в работах сравнительно-исторического характера довольно распространенной является точка зрения, согласно которой для имен дагестанских языков типичной

является следующая модель основы: исконный префиксальный элемент (окаменелый классный показатель) + корень, состоящий из согласного или комплекса согласных + суффикс – детерминант основы.

Данная гипотеза основывается прежде всего на двух посылках: во-первых, в разных языках генетически родственные лексемы имеют различные ауслаутные сонорные и некоторые другие согласные (ср., например лезг. *й-ук/*, дарг. *д-ек I*, лак. *н-ак I* "локоть, аршин" и др.), как будто не соответствующие друг другу фонетически, что наталкивает на мысль об использовании в данном случае классных экспонентов; во-вторых, эти же ауслаутные согласные в целом функционируют в ряде языков в качестве классных морфем.

При оценке рассматриваемой гипотезы целесообразно учитывать следующие обстоятельства: прежде всего в подавляющем большинстве случаев подобные ауслаутные элементы могут быть сведены к строгим фонетическим соответствиям [см., в частности, Гигинейшвили 1977; Бокарев 1981; Nikolayev, Starostin 1994 и др.]. Следовательно, отпадает необходимость в морфологической трактовке наблюдаемых явлений.

Гипотеза моноконсонантизма общелагестанской корневой морфемы, служащая теоретическим фундаментом практики вычленения окаменелых классных префиксов в именной основе, имеет и ряд недостатков в своих исходных постулатах. Так, например, критики этой гипотезы [Структурные... 1978: 112] отмечали следующие весьма существенные моменты: невозможность материального выражения необходимого набора первичных смыслов с помощью, хотя и сравнительно большого, но все же ограниченного (менее 100) инвентаря согласных фонем и малую вероятность системы последующего выведения всех понятий из небольшого количества исходных путем прибавления регулярных смысловых модификаторов.

В связи с отмеченными обстоятельствами решающее значение в определении функциональной нагрузки ауслаутного согласного становится его семантическая интерпретация, мотивировка его употребления. С этой точки зрения, как показывает материал современных лагестанских языков, возможные случаи использования окаменелых классных экспонентов в составе имен можно распределить на три группы.

- Первую группу составляют пары существительных "брат" – "сестра", "сын" – "дочь", имеющие, как указывалось в специальной литературе [Иллич-Свитыч 1965: 335; Талибов 1969: 83], отглагольный характер. Отглагольность этих имен, впрочем, имеет несколько иную природу по сравнению с именами типа авар, *рельен* "краска" (< *р-ельине* "красить"), поскольку особенности морфологической структуры этих имен в ряде языков свидетельствуют об их адъективности, восходящей в конечном счете к классу стативных глаголов.

/ Вторая группа представлена довольно широким классом имен, ауслаутный согласный которых совпадает с показателем класса данного имени. Трудности, связанные с членением основ данного типа, вытекают, с одной стороны, из некоторых фактов несоответствия между начальным согласным и классным показателем, имеющих достаточно большую хронологическую глубину, и, с другой стороны, из возможности вторичной интерпретации классной принадлежности имени по начальному согласному.

I В третьей группе фиксируются имена с реликтовым использованием классных префиксов в даргинском и нахских языках в качестве притяжательных показателей, что неоднократно подчеркивалось в специальной литературе [Климов 1971: 75; Хайдаков 1980: 220 и др.]. Все же, несмотря на попытки экстраполяции этих явлений по крайней мере на имена, обозначающие части тела, не исключено отглагольное происхождение и слов данного типа (следует заметить, в частности, что даргинская лексема ! со значением "лицо" не является продолжением общелагестанского архетипа).

В целом же, несмотря на относительную многочисленность, имена трех перечисленных групп далеко не охватывают всего именного словаря. В связи с этим как гипотезу моноконсонантизма, так и практику вычленения окаменелых классных префиксов в структуре имени существительного мы склонны считать необоснованными.

На это же указывают некоторые типологически релевантные характеристики корневых морфем языков различных типов (в частности, ограничения на структуру корня в семитских языках), а также опыт диахронической интерпретации структурного разнообразия корневых моделей в индоевропейских (ср. динамическую теорию реконструкции, согласно которой корень на протяжении длительного развития не может оставаться однотипным и неизменным), тюркских (ср. длительную дискуссию о структуре "канонического" корня) и других языков.

В то же время классное словоизменение в прадагестанскую эпоху таких лексико-грамматических групп, как прилагательные, числительные и некоторые разряды местоимений, по-видимому, было общей нормой. При этом, насколько можно судить, в словоформе прилагательного имелось две позиции классного согласования: префиксальная и суффиксальная. Наличие префиксальной позиции, ныне вычленяемой в некоторых языках у немногих адъективов, сближает последние с глаголами, что служит еще одним аргументом в пользу существования в общедагестанскую эпоху категории стативного глагола. Дело в том, что в дагестанских языках достаточно распространены словосочетания с определением-прилагательным, имеющим субъект, не тождественный определяемому, ср. авар. *meɣleɾ baɣlapaɹ ni* "человек с красным носом", что характерно для причастных (отглагольных) оборотов. Естественно, что классный префикс в таких прилагательных должен был отражать не класс определяемого, а класс препозитивного субъекта.

Хотя существование категории класса у прадагестанских адъективов в целом не вызывает сомнений, довольно неопределенными оказываются условия функционирования классных суффиксов в составе словоформы: современные языки в этом отношении характеризуются значительным разнообразием. Различия в использовании суффиксальных классных экспонентов демонстрируют и различные виды определений, например, прилагательные и числительные. Возможно, что в общедагестанском состоянии были противопоставлены классные и неклассные формы одного и того же определения.

Если возможность вычленения окаменелых классных префиксов в основе прилагательных подтверждается на довольно представительном материале, то предположение подобной структуры в числительном опирается лишь на выделение живого классного префикса в нахском (чеч. *в-, б-, д-иг*) и андийском (*в-, б-, й-р-окъо-*) числительном "четыре". В то же время в литературе было высказано несколько соображений, подвергающих сомнению гипотезу о наличии окаменелых классных показателей в аналоге других числительных [Микаилов 1969: 144]. Таким образом, данную проблему нельзя считать решенной.

Говоря об именной морфологии дагестанских языков в целом, хочется заметить, что дальнейший прогресс в ее сравнительно-историческом исследовании может быть во многом связан с поисками структурных взаимоотношений глагола и имени, в частности, с изучением степени проникновения глагольных словоформ (через ступень послелогов) в падежную парадигму (нельзя исключать, например, возможность первоначального использования причастий и деепричастий вспомогательных глаголов для выражения таких падежных значений, как целевое, причинное, совместное и др.) и наоборот (ср. употребление отглагольных адъективов в аналитических временных словоформах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.Е. 1987 - К генезису косвенной основы имен в дагестанских языках // Proceedings of the Fourteenth international congress of linguists. Berlin/GDR, August 10- August 15, 1987.
 Алексеев М.Е. 1988 - Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
 Бокарев Е.А. 1981 - Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М., 1981.
 Гигиейишвили Б.К. 1977 - Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
 Гулыга О.А. 1979 - Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

- Джейранишвили Е.Ф.* 1948 - Случаи pluralia tantum в удийском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 2. Тбилиси, 1948.
- Джейранишвили Е.Ф.* 1985 - Категория числа в удийском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Дьяконов И.М., Старостин С.А.* 1987 - Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1987.
- Загиров В.М.* 1985 - О лексикализации форм множественного числа в лезгинских языках // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Ибрагимов Г.Х.* 1974 - О многоформантности множественного числа имен существительных в восточно-кавказских языках // ВЯ. 1974. № 3.
- Иллич-Свитич В.М.* 1965 - Saucasia // Этимология. 1964. М., 1965.
- Климов Г.А.* 1971 - Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
- Микаилов К.Ш.* 1969 - К вопросу о морфологической структуре количественных имен числительных в дагестанских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
- Серебренников Б.А.* 1974 - Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Структурные...* 1978 - Структурные общности кавказских языков. М., 1978.
- Сулейманов Я.Г.* 1985 - О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Талибов Б.Б.* 1969 - К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
- Талибов Б.Б.* 1985 - К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Топурия Г.В.* 1973 - К образованию множественного числа имен в лезгинских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 18. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Топурия Г.В.* 1985 - К вопросу о склонении имен существительных во множественном числе в лезгинских языках // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Трубецкой Н.С.* 1987 - Строй восточнокавказских языков // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Хайдаков С.М.* 1980 - Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., 1980.
- Халилов М.Ш.* 1985 - Об ограниченном множественном числе существительных бежтинского языка // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.
- Церцадзе Н.И.* 1965 - Андийский язык. (Грамматический анализ с текстами). Тбилиси, 1965.
- Шарафзенидзе Т.С.* 1972 - Об образовании множественного числа в дагестанских и нахских языках в результате генерализации классного показателя // Труды ТГУ. Вып. 3 (142). Тбилиси, 1972.
- Nikolayev S.L., Starostin S.A.* 1994 - The North Caucasian etymological dictionary. М., 1994.